

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

№ 11-12 (17-18)

ноябрь-декабрь
2006

содержание

ЭКОНОМИКА

- Байнёв В. Ф.,
Седлухо О. В.* Вероятные сценарии развития научно-технической и инновационной сферы страны с трансформационной экономикой в зависимости от характера монетарной, кредитно-денежной и фискальной политики государства 3
- Пелих С. А.* Экономическая теория и практика государственного строительства 26
- Сачивко С. В.* Еще раз о стратегии 33
- Горбачёв А. Ю.* Универсальная цель хозяйственной деятельности и типологические концепции развития экономики 39
- Буйвид Э. Г.* Китайский путь — из великого прошлого, не оглядываясь и не ломая, в великое будущее 49

общество

- Саевич В. В.,
Шиптенко С. А.* Верный сын Отечества (к 100-летию со дня рождения Л. И. Брежнева) 65
- Лазутка В. А.* Диалектика свободы и необходимости (к 150-летию со дня рождения Г. В. Плеханова) 70

историческое наследие

- Либезин О. В.* Предавшие СССР 81

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 2371 от 3 июня 2005 г.

Учредитель — общественная организация «Новая экономика»

Адрес редакции: ул. В. Хоружей, 33-А-2, 220002, г. Минск

e-mail: neweconomics@mail.ru

http:// www.neweconomics.info/

Председатель редакционной коллегии:

Байнёв Валерий Фёдорович

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, заместитель декана экономического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск)

Редакционная коллегия:

Акулов Валентин Леонидович

доктор философских наук, профессор кафедры философии и логики Минского государственного лингвистического университета (г. Минск)

Барановский Станислав Иванович

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и маркетинга Белорусского государственного технологического университета (г. Минск)

Басецкий Иван Игнатьевич

доктор юридических наук, профессор (г. Минск)

Глазьев Сергей Юрьевич

доктор экономических наук, профессор, депутат Государственной Думы РФ, председатель Ассоциации внешнеэкономических организаций России (г. Москва)

Довнар Тансия Ивановна

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета (г. Минск)

Дятлов Сергей Алексеевич

доктор экономических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)

Ельмеев Василий Яковлевич

доктор экономических наук, доктор философских наук, профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Криштапович Лев Евстафьевич

доктор философских наук, профессор, заместитель директора НИИ теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск)

Мельник Владимир Андреевич

доктор политических наук, профессор (г. Минск)

Осипов Юрий Михайлович

доктор экономических наук, профессор, вице-президент Академии гуманитарных наук, действительный член Российской академии естественных наук, директор Центра общественных наук Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва)

Пелих Сергей Александрович

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования экономики Академии управления при Президенте Республики Беларусь, заслуженный работник промышленности Республики Беларусь (г. Минск)

Шиптенко Сергей Алексеевич

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин ЧУО «Институт предпринимательской деятельности» (г. Минск)

Главный редактор:

Корчицкий Сергей Александрович

член Союза российских писателей, член Союза писателей Беларуси (г. Минск)

ВЕРОЯТНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЫ СТРАНЫ С ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКОЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ХАРАКТЕРА МОНЕТАРНОЙ, КРЕДИТНО ДЕНЕЖНОЙ И ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Байнёв Валерий Федорович,

*доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента
Белорусского государственного университета (г. Минск)*

Седлухо Ольга Владимировна,

*аспирантка кафедры менеджмента
Белорусского государственного университета (г. Минск)*

К сожалению, вопреки многолетней неутрачивающей риторике о жизненно важной необходимости перехода к инновационной модели развития все без исключения страны бывшего СССР демонстрируют диаметрально противоположные, нежели лидеры мировой экономики, тенденции развития научно-технической и инновационной сферы [2]. В результате очевидных просчетов в области научно-технической и инновационной политики государства — участники СНГ закономерно понесли огромные потери, во многом «сдав» конкурентные позиции на рынках наукоемкой и высокотехнологичной продукции другим странам. Например, за годы построения рынка общая доля стран СНГ на мировом рынке наукоемкой продукции, по разным оценкам, сократилась в 12–15 раз и сегодня не превышает 1 %, в то время как в регионе сосредоточено 10–12 % интеллектуального потенциала планеты. Вместе с тем сегмент сырьевой продукции в общем объеме, например, российского экспорта значительно возрос, поскольку в 2004 г. в его структуре на топливно-энергетические ресурсы пришлось 56,8 %, металлы и простые изделия из них — 16,9 %, продукцию химической промышленности — 6,6 %, в то время как доля машин и оборудования за годы реформ сократилась более чем вдвое — до 7,5 %. Следовательно, сырьем и полуфабрикатами с минимальной величиной добавленной стоимости заполняется более 80 % годового вывоза товаров. Исходя из приведенных пропорций легко подсчитать, что доля сектора сырья и полуфабрикатов в товарном производстве России достигла 58–60 % [9, с. 16].

В итоге, некоторые ученые прямо констатируют, что, несмотря на «приличный» сырьевой рост, «экономика России (равно как и многих других стран СНГ. — *Авт.*) в 1990-е гг. двигалась в направлении, противоположном общемировым тенденциям. В развитых и многих средне- и слаборазвитых странах наблюдался технологический прогресс и экономический рост. В России же это годы спада и разрушения высокотехнологичных отраслей, обнищания населения и ослабления науки и образования вследствие недостатка государственного финансирования. К концу десятилетия Россия по уровню производства, объему ВВП, производительности труда, средней продолжительности жизни и многим другим показателям переведена ООН из категории развитых в число среднеразвитых стран современного мира» [11, с. 32].

Важно отметить, что на протяжении 2001–2005 гг. чиновники в целом ряде

переходных стран информировали об «укреплении» своих национальных валют и впечатляющем росте ВВП, однако агрегированная инфляция, например, российского рубля в этот период, по данным журнала *Экономист*, достигла 81 %. Хотя в сопоставимых ценах ВВП России и увеличился за 2004 г. на 7,1 %, однако темп инфляции был гораздо выше — 18,8 %. В связи с чем индикатор качества экономического роста оказался по-прежнему отрицательным, что свидетельствует как о росте отсталости, так и об отсталости сырьевого экономического роста в целом (табл. 1). В условиях деградации научно-технической и инновационной сферы, когда, по мнению экспертов, доля инновационного капитала в экономике России 2004 г. составляет лишь 1,96 % (для сравнения: в Китае — 8,4 %, США — 27 %) [16, с. 197], иного роста быть и не может.

Таблица 1. Сравнительная приростная конкурентоспособность России в 2004 г.

Страна	Прирост ВВП, %	Инфляция, %	Сальдо платежного баланса, %	Безработица, %	Приростная конкурентоспособность, ед.
США	4,6	2,6	-5,7	5,5	47,24
Германия	1,2	1,7	3,3	10,5	47,31
Япония	3,2	0,0	3,5	4,7	124,88
Великобритания	3,2	1,3	-2,2	4,8	77,05
Россия	7,1	18,8	-7,1	7,6	-1,64

Источник: [9, с. 21]

Разумеется, существенные потери понесли и Беларусь, экспорт высоких технологий которой в 2002 г. составил лишь 4 против 23 % в среднем для стран ОЭСР. При этом за период 1995–2004 г. доля машин и оборудования в объеме белорусского экспорта упала почти на треть, а доля минеральных продуктов возросла более чем в 3,5 раза. В результате недофинан-

сирования научно-технической сферы сегодня в Беларуси 13,0 %, а в России лишь 10,3 % промышленных предприятий являются инновационно-активными, хотя в 1990 г. это значение превышало 60 % для обеих стран (сегодня в ЕС таких предприятий — более 50 %, а в США — около 60 %). В остальных странах СНГ ситуация по мере продвижения к рыночному ка-

об
з-
з-
4-
1.
:-
-
4
1
4
)
питализму оказалась вообще критическая, что обусловлено быстрой деиндустриализацией и примитивизацией национальных экономик. Специалисты отмечают, что «в базовых отраслях промышленности происходило свертывание производства наукоемких видов продукции, определяющих технический и технологический уровень производства. Так, в странах Содружества с использованием современной техники добывается лишь 10 % нефти, а потому степень извлечения ее запасов не превышает 40–50 %. В химической промышленности доля прогрессивных материалов и продуктов в общем объеме выпуска ниже, чем в экономически развитых странах в 2–3 раза, а удельный вес продукции, выпускаемой по устаревшей технологии, достигает 60 %. В машиностроении только 20 % выпускаемой продукции соответствует мировому уровню. В черной металлургии на устаревшем оборудовании производится более 60 % стали. Ухудшилась и структура промышленности, гипертрофированно выросла доля топливно-энергетических отраслей. Ситуация в машиностроении сложилась просто критическая: его доля в промышленном секторе экономики государств — членов СНГ сократилась в 1,5–2 раза, а доля машиностроительной продукции в общем объеме экспорта упала с 17,5 в 1990 г. до 4–5 % в 2000 г.» [10, с. 338].

Непрекращающаяся риторика о жизненно важной необходимости перехода постсоветских стран к инновационной модели развития, без преувеличения, является ровесницей их суверенитета. И действительно, в качестве главного недостатка директивно-плановой экономики идеологи рыночно-капиталистических реформ изначально

но обозначали низкую инновационную восприимчивость экономических систем всех уровней, находящихся в условиях «командно-административного диктата». По их заверениям, отказ от государственного регулирования экономики, либерализация и перевод на «рыночные рельсы» должны будут подстегнуть инновационную активность субъектов хозяйствования и тем самым едва ли не за 500 дней переместить и без того вторую в мире экономику СССР на недостижимые даже для США высоты. Вместо этого сегодня переходящие к рынку страны СНГ дружно демонстрируют деградацию научно-технологического и промышленного потенциала, неумолимо превращаясь в сырьевую провинцию Запада. Имеются все основания полагать, что одной из наиболее важных причин, трансформирующих теорию и методологию инновационной экономики в обыкновенную риторику, является искусственно поддерживаемое отклонение от оптимума параметров монетарной сферы всех без исключения стран СНГ [1; 3; 4].

Итог сопоставимого с национальной катастрофой разгрома научно-технической сферы и наукоемкой индустрии на постсоветском пространстве сводится к тому, что на рубеже веков почти все страны СНГ (за исключением Беларуси и Молдовы) имели ярко выраженную сырьевую ориентацию экспорта, поскольку в большинстве из них на долю 3–5 видов сырьевых продуктов и полуфабрикатов приходилось от 57,5 (Украина) до 85,0 % (Туркменистан) стоимости вывозимых за границу товаров [10, с. 338–339]. Здесь очень важно выявить глубинные, базовые, фундаментальные причины происходящих в современном мире

процессов, без осознания которых невозможно вырваться из той череды исурядиц, которые, словно злой рок, на протяжении двух десятилетий преследуют многострадальное население стран бывшего СССР. Без выявления и изучения скрытых от непосвященного взора движущих сил, которые приводят в действие механизмы мировой экономики, нам не только не удастся построить постиндустриальную, инновационную экономику, но и очень скоро не будет хватать средств даже на простое воспроизводство.

Разумеется, в условиях рыночного капитализма (или перехода к нему) в ряду экономических условий формирования и осуществления научно-технологической и инновационно-промышленной политики *ведущая роль принадлежит финансово-экономическим факторам*. Справедливость данного утверждения однозначно подтверждается, например, точкой зрения Дж. М. Кейнса, писавшего в своей книге *Экономические последствия Версальского договора* о том, что «нет более точного и верного способа переворота существующих основ общества, нежели подрыв его денежной системы. Этот процесс пробуждает все разрушительные силы, скрытые в экономических законах, а сама болезнь протекает так, что диагноз не может поставить ни один из многих миллионов человек». Имются все основания полагать, что одной из наиболее важных причин, превращающих теорию и методологию инновационной экономики в обыкновенную риторику, является искусственно поддерживаемое отклонение от оптимума параметров монетарной сферы всех без исключения стран СНГ.

Анализируя причины беспрецеден-

тного по масштабам, глубине проявления и продолжительности системного трансформационного кризиса (рыночного разгрома) национальных экономик стран бывшего СССР, можно предположить, что *главная причина преследующих наши страны вот уже два-три десятилетия неудач не в последней очередь связана с фундаментальными дефектами функционирования именно монетарной сферы и откровенными провалами в денежно-кредитной и фискальной политике большинства стран региона, включая и сам бывший СССР*. С учетом отмеченной выше системности влияния монетарной и кредитно-денежной сферы на национальную экономику это предположение представляется отнюдь не беспочвенным, поскольку указанный трансформационный кризис оказался столь масштабным и разрушительным, что поразил буквально все сферы жизнедеятельности общества.

В связи с этим весьма полезно исследовать и сравнить некоторые базовые параметры монетарной сферы разных стран. При этом все исследуемые экономики разобьем на пять типических групп: 1) технологически развитые державы (США, Япония, Великобритания, Германия); 2) новые индустриальные страны, демонстрирующие догоняющее развитие (Китай, Сингапур, Южная Корея); 3) новые члены ЕС — лидеры в экономическом развитии и становлении инновационной экономики (Венгрия, Чехия, Словакия, Польша); 4) страны-участницы СНГ, в том числе члены Союзного государства (Россия, Беларусь, Казахстан); 5) страны «третьего мира» — аутсайдеры мирового НТП (Аргентина, Нигерия, Танзания).

В числе основных характеристик

монетарной и денежно-кредитной сферы, активно влияющих на формирование инновационной экономики, специалисты неизменно называют следующие.

1. **Общая обеспеченность национальной экономики денежной массой**, которая может быть охарактеризована *коэффициентом монетизации (монетаризации) экономики* K_m , исчисляемым в виде отношения денежного агрегата $M2$ и $ВВП$. Исключительно высокая значимость данного параметра определяется тем, что деньги — «кровь экономики», и потому для инновационного развития их количество должно быть оптимальным. Конечно, избыток денежной массы вызывает инфляцию, однако ее недостаток, дефицит угнетает в первую очередь именно инновационный и промышленный секторы экономики. Последнее следует из того, что в условиях дефицита финансовых средств, согласно общезвестной формуле количественной теории денег, функционирование экономики возможно лишь за счет увеличения скорости их обращения. Как известно, наивысшая оборачиваемость финансового капитала, достигающая 5–20 оборотов в год, наблюдается в сфере торговли, услуг, криминала, а

наименьшая — 1 оборот за 3–10 лет — в инновационном секторе экономики, связанном с осуществлением долгосрочных научно-исследовательских (НИР) и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и их внедрением в производство в виде базисных инноваций. Денежная масса в условиях дефицита неизбежно «выдавливается» в те сферы национальной экономики, которые характеризуются высокой оборачиваемостью денежных ресурсов, а именно: в сферу торговли, услуг, криминала (рис. 1). Этот крайне негативный процесс серьезно угнетает инновационный и промышленный секторы экономики, а также стимулирует приток в страну по торговым каналам дешевого иностранного ширпотреба, что дополнительно оказывает давление на отечественное производство. Иными словами, *низкий коэффициент монетизации экономики является серьезнейшим препятствием на пути становления инновационной экономики и потому никак не может быть элементом инновационно-промышленной политики (точнее — это неременное условие деиндустриализации и примитивизации национальной экономики)*. К такому же выводу приходят и некоторые российские ученые [15, с. 304–315].

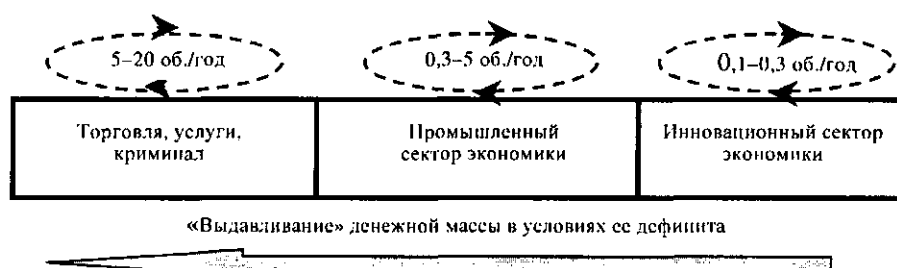

Рис. 1. Перераспределение финансовых ресурсов между секторами экономики в условиях снижения коэффициента монетизации

В табл. 2 отражены значения K_m в разных странах мира. Анализ приведенной информации по типическим группам показывает, что технологически развитые страны имеют значение K_m около 100 %, новые индустриальные страны — 100 % и более, а успешно развивающиеся новые члены ЕС демонстрируют K_m около 50–70 %. Охарактеризованные в таблице страны СНГ (в других странах Содружества ситуация не лучше) по исследуемому параметру (менее 20 %) резко отличаются от движущихся в сторону постиндустриальной, инновационной экономики государств, соответствующих странам «третьего мира» — аутсайдерам НТП.

Итак, во-первых, совершенно очевидно, что в странах СНГ (Беларусь — не исключение) монетарные факторы активно препятствуют формированию инновационной экономики. Во-вторых, как и любой другой дефицит, нехватка денег неизбежно порождает спекуляцию, сводящуюся к беспрецедентному росту

стоимости кредитных ресурсов и снижению их доступности для реального сектора экономики. Иными словами, банковская система переходной к рынку страны, до предела взвинтив процентные ставки по кредитам, превращается в откровенно спекулятивный (транзакционный) сектор экономики, не стимулирующий, а тормозящий ее развитие. И действительно, в условиях, когда средний уровень рентабельности предприятий реального сектора экономики в несколько раз ниже банковской процентной ставки, кредиты становятся недоступными для предприятий и инновационного сектора экономики. В итоге, реальный сектор экономики, не имея доступа к финансовым средствам для целей модернизации производства, теряет конкурентоспособность и разрушается, а национальные рынки неизбежно заполняются продукцией западных ТНК, расширяющих сбыт и увеличивающих экономическое могущество в рамках неокOLONIALного проекта Запада.

Таблица 2.

Динамика коэффициента монетизации экономики K_m в разных странах мира, %

Типическая группа стран	Страна	Годы			
		1995	1998	2000	2002
Технологически развитые страны	США	57,3	60,1	62,2	69,6
	Япония	110,3	116,8	122,6	132,9
	Германия	67,6	73,5	99,3	101,9
	Великобритания	71,6	91,2	109,3	113,5
Новые индустриальные страны	Китай	103,8	133,6	152,2	182,4
	Сингапур	86,5	114,8	112,4	115,8
	Южная Корея	45,6	58,2	79,1	86,9
Новые члены ЕС	Чехия	78,7	66,0	72,9	75,5
	Словакия	62,0	60,4	66,2	65,3
	Венгрия	45,1	45,6	45,4	46,8
	Польша	33,9	39,9	41,3	42,7
Страны СНГ	Россия	15,4	17,2	15,8	19,7
	Беларусь	14,8	13,7	7,3	7,6
	Казахстан	10,7	7,7	11,2	13,2
Страны «третьего мира»	Аргентина	20,2	28,7	31,8	27,8
	Нигерия	16,1	18,2	21,1	26,9
	Танзания	25,1	18,4	19,2	21,9

Источник: Россия и страны мира. М., 2004. С. 69–71, 282–283; расчеты авторов.

Параллельно уничтожение отечественных предприятий высвобождает сырьевые ресурсы для масштабного экспорта на Запад, что вполне соответствует его целям. По этому поводу экономический советник английского парламента Д. Росс в докладе *Российская экономика в тупике* прямо указывал: «Необходимым механизмом для резкого увеличения экспорта энергоносителей и металлов являлся *быстрый спад промышленного производства*, поскольку иначе не освободилось бы сырье для экспорта» (см.: Вопросы экономики, 1995. № 3. С. 18).

И еще одно очень важное обстоятельство. В условиях отсутствия финансовых средств у населения, предусмотрительно лишенного в 1991 г. даже мизерных накоплений за советский период, учредителями банковских организаций могли стать исключительно связанные с интернациональной олигархией и профинансированные ею (назначенные) лица. Нередко имея двойное гражданство и связывая свое будущее с западными странами, такие учредители-«инвесторы» (проще говоря, «пятая колонна»), используя могучие рычаги банковской системы, по заданию своих хозяев организовали массовую «выкачку» финансовых ресурсов из предприятий и многострадального населения переходных к рынку стран и дальнейшую «перекачку» в те державы, где, по их планам, они должны обеспечить себе безбедную старость, а также безоблачное детство своих детей и внуков. «Беда в том, — характеризует данную проблему главный редактор российского журнала *Экономист* профессор П. Игнатовский, — что сегодня банковский кредит превращается в каналы выкачки средств из производства и их вы-

воза в зарубежные страны» (см.: *Экономист*. 2004. № 3. С. 8). Согласен с данной точкой зрения и другой крупный, уже белорусский, ученый, профессор С. Пелих, считающий, что, «применив монетаристскую теорию, мы обескровили наших товаропроизводителей, изъяв у них оборотные средства и перекачав их в “локомотив экономики”, которым якобы является банковский сектор» [13, с. 362].

Иными словами, создаваемая в реальном секторе добавленная стоимость будет целенаправленно трансформироваться в прибыль «локомотивов экономики», а затем эшелонами поедет на Запад для приобретения футбольных клубов, яхт, персональных авиалайнеров, замков и прочих баснословно дорогих приобретений, что, впрочем, уже давно наблюдается в некоторых переходных странах. Таким образом, реализация монетаристской теории в переходных к рынку странах обеспечивает Западу идеальные условия для захвата их национальных рынков, а также для «выкачивания» из них сырья, капиталов, мозгов...

Наконец, в-третьих, *искусственный дефицит денег неизбежно порождает кризис платежей и нескончаемую череду банкротств*. Не вследствие низкой эффективности работы, а по причине элементарной физической нехватки денежной массы банкротятся тысячи рентабельных предприятий, поскольку из-за взаимных платежей им нечем платить зарплату, осуществлять платежи за взятые кредиты, потребленные ресурсы, энергию, тепло... Вереница банкротств связана не просто с уничтожением многих предприятий, теоретически способных оказать конкуренцию западным ТНК, но и с очередным полукриминальным пере-

делом собственности. Действительно, предприятие-банкрот стоит в десятки раз дешевле, чем эффективно работающий объект, и потому его можно по дешевке купить, а если надо, то и остановать. Разумеется, покупателями таких «кризисных» объектов опять-таки станут назначенные мировой финансовой олигархией национальные «инвесторы», которые изначально будут запрограммированы на разрушение промышленного потенциала стран-конкурентов, на вывоз сырья, «выкачку» из страны финансов через зарубежные офшоры и т. д. При кажущейся, на первый взгляд, гипотетичности описанной ситуации в России во время действия Закона о банкротстве образца 1998 г. (кстати, названного специалистами журнала *Эксперт* самым взяточным законом за всю историю этой страны) до 80 % банкротств носили «заказной», полукриминальный характер. По свидетельству некоторых российских и даже американских специалистов на эти цели, а также для прямой финансовой подпитки криминала американское правительство только в 1994–96 гг. официально санкционировало отправку в Россию не менее USD 40 млрд, что заметно превысило стоимость всех российских рублей, находившихся в обращении (см.: Платонов О. А. *Государственная измена*. М., 2005. С. 445–448).

Таким образом, низкий коэффициент монетизации экономики в странах СНГ активно препятствует формированию инновационной экономики, игнорирует промышленный сектор и способствует превращению региона в сырьевую провинцию Запада.

Что касается связанной с монетизацией экономики проблемы высокой

инфляции как важнейшего дестабилизирующего любую национальную экономику фактора, то имеются все основания полагать, что в большинстве переходных к рынку стран она давно уже является немонетарной. Как известно, до сих пор в экономической литературе господствуют весьма упрощенные представления о том, что инфляция является всего лишь следствием неверной монетарной и кредитно-денежной политики, в связи с чем классическим, универсальным и едва ли не единственным средством ее подавления является рестрикционная монетарная и кредитно-денежная политика. По нашему мнению, такие представления являются не просто ошибочными, они крайне опасны. Действительно, приведенная в табл. 2 информация однозначно свидетельствует о том, что высокая инфляция в России и Беларуси проявляется себя на фоне общей обеспеченности национальной экономики денежной массой, в несколько раз меньшей не только оптимального значения, но даже порога безопасности. В частности, по информации директора НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь С. Полоника, реальное значение коэффициента монетизации в Беларуси в 2003 г. было не только в несколько раз меньше оптимального значения, но и не менее чем в 3 раза ниже порога безопасности [13, с. 60–63]. Очевидно, что в условиях, когда денег в экономике в несколько раз меньше предельно допустимого уровня, вести речь о монетарном характере высокой инфляции, на наш взгляд, безграмотно. В подобных условиях опасность использования классических рецептов борьбы с инфляцией очень часто оборачивается взрывной безработицей, разрушением сис-

темы расчетов, вырождением денежно-кредитной системы, а сама инфляция вопреки жесткой рестрикционной политике не исчезает, внезапно проявляясь в другой форме.

2. Доступность кредитных ресурсов для промышленного и инновационного секторов экономики. Значимость данного аспекта функционирования кредитно-денежной системы следует из того, что по причине стремительного удорожания НИР и НИОКР базисные инновации являются весьма и весьма капиталоемкими. Зачастую передовые технологии и оборудование стоят на один-два порядка больше, чем те, которыми уже располагает осуществляющий инновации субъект хозяйствования. Следовательно, амортизация как механизм простого возмещения стоимости изношенного основного капитала не может служить источником финансирования технико-технологической модернизации производства и потому предприятие вынуждено искать другие источники, в числе которых ведущую роль играет кредит. По мнению депутата Государственной Думы Российской Федерации, члена-корреспондента РАН С. Ю. Глазьева, вся послевоенная Европа, в частности разоренная и сожженная Германия, восстановилась за 10 лет благодаря механизму кредитования, а «экономи-

ческое чудо» Японии также обусловлено тем, что для реализации инновационных проектов в течение 50 лет предоставлялись долгосрочные кредиты под нулевые проценты [14, с. 19]

Доступность кредитных ресурсов в первую очередь зависит от мощности банковской системы, определяемой совокупной величиной пассивов банковской системы. Считается, что банковская система может эффективно кредитовать инновационный сектор экономики, если ее пассивы соизмеримы или даже превосходят ВВП страны. В частности, в табл. 3 для сравнения охарактеризована мощность банковских систем представителей двух типических групп — технологически развитых государств (США, Германия) и стран СНГ (Беларусь, Россия, Украина). Анализ приведенной информации свидетельствует о том, что технологически развитые страны по совокупной величине банковских пассивов удовлетворяют вышеуказанному требованию, в то время как мощность банковских систем переходных к рынку стран в несколько раз меньше необходимой. Указанный недостаток, во многом являющийся следствием низкого коэффициента монетизации экономики, представляет собой серьезнейшее препятствие на пути формирования инновационной экономики во всех странах СНГ.

Таблица 3. Динамика пассивов банковских систем некоторых стран мира, % к ВВП

Страна	Годы			
	1995	1998	2000	2003
США	214	238	255	267
Германия	223	252	290	305
Беларусь	13	35	32	37
Россия	30	39	34	34
Украина	37	—	—	38

Источник: [8, с. 39–40].

С другой стороны, доступность кредитных ресурсов для инновационного сектора экономики характеризуется *долей долгосрочных кредитов, выданных субъектам хозяйствования — юридическим лицам, осуществляющим инновационную деятельность, в первую очередь, промышленным предприятиям*. И действительно, серьезные базисные инновации связаны с осуществлением долгосрочных НИР и НИОКР, разработкой проектно-конструкторской и технологической документации, изготовлением опытных образцов, их испытанием и запуском в серийное производство, что нередко занимает от 3 до 5 и более лет. Неслучайно в технологически развитых странах и догоняющих их странах *непрерывным атрибутом эффективной инновационно-промышленной политики является неуклонный рост доли долгосрочных кредитов промышленному сектору экономики до уровня 40–50 %*. В новых индустриальных странах, например в Китае, ресурсы банковской системы за непродолжительное время доведены до значения 140 % от ВВП, что позволило до 80 % всех привлеченных денежных средств предоставить в виде долгосрочных кредитов под 2–4 % годовых. Как уже отмечалось выше, в Японии под инновационные проекты, одобренные специальным комитетом по инновациям и технической модернизации производства, долгое время без ограничений выдавались вообще бесплатные долгосрочные кредиты.

В табл. 4 приведена структура банковских кредитных вложений в Республике Беларусь. На первый взгляд, приведенная статистическая информация свидетельствует о благоприятных тенденциях развития кредитной системы страны. И действительно, в пе-

риод с 2002 по 2005 гг. налицо увеличение в 3,5 раза общего объема выданных кредитных ресурсов, причем доля долгосрочных кредитных вложений выросла более чем на 5,5 %, а процентные ставки по долгосрочным кредитам для юридических лиц снизились с 24,2 до 6,9 %. Однако более глубокий анализ показывает, что *характер развития кредитной системы Беларуси отнюдь не является фактором эффективной инновационно-промышленной политики*. Данный вывод следует из того, что, во-первых, в Беларуси существенно сократилось общее кредитование промышленности с 51,8 до 45,6 % (без учета инфляции), а во-вторых, доля долгосрочных кредитных вложений не только не приблизилась к уровню формирующих инновационную экономику стран, но и вообще снизилась с 14,8 до 12,8 %. Важно указать, что данный процесс вполне закономерен, поскольку в условиях невероятно низкого коэффициента монетизации белорусской экономики (см. табл. 2) финансовые, в том числе кредитные, ресурсы неизбежно «выталкиваются» в сферу торговли, общепита, строительства, жилищно-коммунального хозяйства... Конечно, с точки зрения рядового обывателя такое перераспределение кредитных ресурсов сулит максимально полное удовлетворение его текущих потребностей. Однако с позиции долгосрочных перспектив развития страны кредитный «голод» промышленности чреват деиндустриализацией и примитивизацией («заиризацией») национальной экономики, нарастанием и без того масштабного технологического отставания от лидеров мирового НТП.

Согласно исследованиям некоторых российских и белорусских ученых в

*Вероятные сценарии развития научно-технической
и инновационной сферы страны с трансформационной экономикой...*

Таблица 4. Структура кредитных вложений банков Республики Беларусь

Год	2002		2003		2004		2005	
Единица измерения	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Кредитные вложения банков по видам деятельности:	2075,5	100,0	3045,5	100,0	4559,2	100,0	7165,3	100,0
– промышленность	1074,5	51,8	1597,2	52,4	2286,1	50,1	3261,3	45,6
– сельское хозяйство	259,0	12,5	399,9	13,1	629,7	13,8	1145,7	16,0
– строительство	32,3	1,6	58,9	1,9	80,8	1,8	192,5	2,7
– торговля и общественное питание	186,2	8,9	249,3	8,2	370,7	8,1	656,3	9,2
– жилищное и коммунальное хозяйство	10,3	0,5	17,3	0,6	113,4	2,5	228,5	3,2
– прочие	513,2	24,7	723,0	23,7	1078,6	23,7	1681,2	23,5
в том числе долгосрочные кредитные вложения по видам деятельности:								
– промышленность	774,1	37,3	1078,7	35,4	1865,7	40,9	3081,5	43,0
– сельское хозяйство	307,9	14,8	416,8	13,7	663,2	14,5	917,6	12,8
– строительство	192,7	9,3	293,1	9,6	478,0	10,5	889,4	12,4
– торговля и общественное питание	9,3	0,4	20,0	0,7	29,9	0,7	90,0	1,3
– жилищное и коммунальное хозяйство	10,1	0,5	16,7	0,6	38,2	0,8	99,2	1,5
– прочие	0,1	0,0	0,8	0,0	58,9	1,3	95,9	1,4
– прочие	254,1	12,2	331,3	10,9	597,5	13,1	989,5	13,8
Для справки: средневзвешенный курс доллара США по данным НБ РБ, бел. руб./долл. США	1804	–	2075	–	2164	–	2150	–

Источник: Бюллетени банковской статистики. Мн., 2006. № 5(83). С. 12; 2005. № 2(68). С. 61, 84, 91–92; 2003. С. 40–41; 66, 73–74; расчеты авторов.

национальной экономике наблюдается существенно более тесная связь между объемами кредитования (прежде всего, инвестиционного) и ВВП, чем даже, например, между агрегатами денежной массы и ВВП. Это означает, что действенным средством стимулирования экономического роста и инновационной активности может стать *политика таргетирования кредитно-инвестиционных агрегатов банковской сектор*, которая способна повысить роль внутренних механизмов формирования денежного предложения, позволяющих обеспечивать решение приоритетных структурных задач в области модернизации национальной экономики [5, с. 134]. Основная идея этого положения заключается в том,

что центральный (национальный) банк – важнейший институт макроэкономического регулирования, который, в конечном счете, обеспечивает формирование экономической среды в целом. Поэтому в транзитивной экономике центральный банк не должен ограничиваться исключительно решением финансово-монетарных проблем (снижение инфляции, поддержание валютного курса и др.). В тех пределах, в которых это не противоречит поддержанию стабильности национальной валюты, центральный банк может и должен стимулировать экономическое развитие доступными ему средствами, причем основным приоритетом здесь является формирование долгосрочной ресурсной базы, так как

проблема инвестиционных кредитов без «длинных» денег не решаема.

Исходя из изложенного можно сделать три важных вывода.

Во-первых, значимым фактором государственной инновационно-промышленной политики и стимулирования инновационной активности конкретных субъектов хозяйствования является *политика таргетирования кредитно-инвестиционных агрегатов банковского сектора, заключающаяся в планомерном и жестко контролируемом росте количества и объема долгосрочных кредитов, выдаваемых банковским сектором предприятиям под реализацию инновационных проектов.*

Во-вторых, *монетарная политика переходного периода не должна иметь собственных, не зависящих от общественного выбора, абстрактных целей.* Она должна базироваться не на умозрительных и зачастую губительных инструкциях международных организаций, имеющих обычную для рыночной экономики цель ослабления (уничтожения) своих потенциальных конкурентов, а быть подчиненной основной задаче — созданию условий для ускоренного развития реального сектора экономики на базе технико-технологической модернизации.

В-третьих, *тезис о полной независимости центральной (национального) банка от правительства является глубоко ошибочным, поскольку проводимая главным банковским учреждением политика никак не может быть не связана с тенденциями экономического роста.* Изучение роли центрального банка в формировании экономики инновационного типа выявляет объективную необходимость пересмотра его функций с тем, чтобы приблизить цели, которыми он руководствуется в

своей деятельности, к целям общественного выбора.

3. Валютный курс национальной денежной единицы. Наряду с недопустимо низким коэффициентом монетизации экономики другим крайне негативным аспектом функционирования монетарной сферы переходных к рынку стран является *искусственно заниженный курс национальной валюты по отношению к мировым валютам.* В частности, многие специалисты убеждены, что в процессе действия «стихийных» рыночных сил курсы национальных валют целого ряда стран СНГ оказались искусственно заниженными по отношению к доллару. Например, по мнению академика РАН В. Маевского, «в настоящее время рыночный курс российского рубля недооценен относительно паритета покупательной способности примерно в 3 раза» (см.: *Экономист.* 2004. № 4. С. 6), а по мнению некоторых других ученых, этот курс занижен вообще в 4–5 раз.

Восстановлению реального курса национальной валюты активно препятствует очередной рыночный миф о том, что повышение курса национальной валюты ведет к ослаблению конкурентоспособности экспортёров отечественной продукции на зарубежных рынках. Этот расхожий миф, авторами которого, вероятно, являются Всемирный банк, МВФ, ВТО и другие подобные структуры, бдительно охраняющие интересы исключительно стран «золотого миллиарда», активно тиражируется «пятой колонной» во всех переходных к рынку странах. Кстати, характеризуя роль вышеупомянутых структур в соблюдении интересов сильных мира сего, весьма

влиятельный американский политик З. Бжезинский цинично указывает на то, что «следует считать частью американской системы глобальную сеть специализированных организаций, особенно “международные” (кавычки З. Бжезинского! — *Авт.*) финансовые институты. Международный валютный фонд и Всемирный банк, можно сказать, представляют глобальные интересы и их клиентами можно назвать весь мир. В действительности, однако, в них доминируют американцы, и в их создании прослеживаются американские инициативы (и, разумеется, интересы. — *Авт.*)» [6, с. 40].

На деле искусственно заниженный курс национальной валюты активно воздействует на национальную экономику переходной к рынку страны в двух диаметрально противоположных направлениях: он губительно воздействует на промышленный сектор экономики и в то же время благотворно влияет на экспортно-ориентированные отрасли, которые, к огромному сожалению, в подавляющем большинстве случаев представлены сырьевыми предприятиями.

Как справедливо отмечают некоторые весьма авторитетные белорусские специалисты в сфере функционирова-

ния монетарной и кредитно-денежной систем, «заниженный незначительно курс национальной валюты в начале трансформации имеет на 1–2 года позитивное влияние на экспортно-ориентированные отрасли, но в то же время оказывает отрицательное воздействие на экономику в целом в силу значительных потерь во внешнеэкономическом обмене товарами и услугами, особенно для такой открытой экономики, как белорусская. Поэтому все страны Центральной Европы в настоящее время привели валютные курсы в соответствие с паритетом покупательной способности (ППС), чем значительно усилили свой экономический рост. США и страны ЕС целенаправленно устанавливают курс своих валют на 20–30 % выше ППС, чем создают себе неэкономические выгоды в обмене товарами и услугами с развивающимися странами, оценивающиеся экспертами в сумму USD 5–7 трлн в год» [8, с. 41–42]. Те переходные страны, которые изначально запрограммированы Западом на научно-технологическую стагнацию и превращение в сырьевую провинцию, включая Республику Беларусь (табл. 5), демонстрируют кратное отклонение курса национальной денежной единицы от ППС.

Таблица 5. Динамика валютного курса и ППС в Республике Беларусь в период рыночной трансформации 1990–2004 гг.

Год	Валютный курс по данным НБ РБ, бел. руб./долл. США	Валютный курс по ППС, бел. руб./долл. США	Соотношение «валютный курс по данным НБ РБ» / «валютный курс по ППС», разы
1990	0,77	0,75	1,03
1992	97,4	16,4	5,94
1993	2490,7	190,8	13,05
1994	3589,8	406,2	8,84
1996	13279,0	3462,0	3,83
1998	43596,0	10167,0	4,57
2000	800,0	116,6	6,01
2004	2164,0	450,0	4,82

Источник: [8, с. 41].

По нашему мнению, искусственное занижение (в разы) курса национальной денежной единицы по отношению к паритету покупательной способности является одним из наиболее важных и ответственных заданий компрадорской элиты («пятой колонны»), которая приходит к власти в результате поощряемых Западом перестроек и цветных революций и, соответственно, проگرامмируется им на превращение переходной страны в источник ресурсов (сырья, капиталов, мозгов и т. д.) для «цивилизованного» мира. При этом если механизмы стимулирования экспорто-ориентированных отраслей широко известны и описаны, то об угнетающем воздействии слабеющей национальной валюты на национальную промышленность пишется крайне мало (представляется, что это делается также умышленно).

А суть проблемы заключается в следующем. В условиях несравненно более низкой заработной платы населения переходных к рынку стран и его столь же низкого платежеспособного спроса стоимость входящего в состав конечной продукции сырья, цена на которое в условиях глобального либерализма уже давно стала мировой, превосходит ту цену, по которой эту продукцию возможно продать внутри страны. В итоге отечественный товаропроизводитель становится нерентабельным, банкротится, а потреблявшееся ранее сырье масштабно сбывается на Запад. И действительно, низкий платежеспособный спрос населения, например, на металлическую кастрюлю обеспечивает столь же низкую цену последней на внутреннем рынке. Поскольку населению не нужен металл как таковой, то в условиях активно навязываемой «вашингтонским

консенсусом» открытости экономики спрос на него определяется западными ТНК, и потому внутренняя цена на сырье приближается к мировой. В итоге стоимость входящего в состав кастрюли одного только металла превышает цену, по которой ее могут купить отечественные потребители. Производство кастрюли делается нерентабельным, оно закрывается, а сам металл благополучно экспортируется на Запад. Следовательно, заниженный «пятой колонной» по заданию своих западных хозяев курс национальной валюты уничтожает отечественное производство, ведет к деиндустриализации и примитивизации экономики, надежно приковывает население переходной страны к «сырьевой тачке» в полном соответствии с целями Запада.

К сожалению, в монетарной сфере Беларуси также наблюдаются крайне негативные тенденции. Например, известный белорусский экономист проф. С. Пелих указывает на то, что «курс нашего рубля к доллару более чем в 3 раза ниже паритета покупательной способности, что свидетельствует о неэквивалентном обмене наших товаров и услуг и громадных потерях для экономики страны. Чиповники, ссылаясь на союзные договоренности с Россией, объясняют такой курс привязкой к российскому рублю, который тоже в 5 раз ниже паритета покупательной способности... Такая жесткая привязка валютного курса к России законсервировала наше промышленное производство, которое неуклонно теряет свои позиции на международной арене» (см.: *Белорусский экономический журнал*. Мн., 2004. № 3. С. 124–126). С другой стороны, по информации директора НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь С. С. Поло-

ника, при оптимальном значении коэффициента монетизации 60–100%, пороговом — не менее 50 % и кризисном — не менее 30 % его реальное значение в нашей стране в 2003 г. составляло лишь 9,5 % [13, с. 60–63]. На недопустимость этого постоянно указывает и проф. С. А. Пелих.

Имющее место во всех странах Содружества отклонение в 3–5 раз курса национальной валюты от паритета покупательной способности (ППС) вызывает аналогичный диспаритет внутренних и мировых цен, поскольку условная корзина товаров, используемая при расчете ППС, внутри страны стоит в несколько раз меньше, чем в странах — эмитентах мировых денег. Заниженные внутренние цены позволяют выплачивать и столь же заниженную заработную плату. В итоге за тот же самый по количеству и качеству труд работник в любой из стран СНГ получает вознаграждение, в несколько раз меньшее, чем в странах «золотого миллиарда».

Последнее обстоятельство, несмотря на бытующую точку зрения о низкой заработной плате как факторе конкурентоспособности национальной экономики, крайне негативно воздействует на процесс формирования инновационной экономики, поскольку является главной причиной масштабной «утечки умов» за рубеж. Так, по мнению уже упоминавшегося С. Ю. Глазьева, «величие России заключается в том, что она безвозмездно отдала Западу USD 0,5 трлн, более 1 млн высококлассных специалистов уехали из страны под давлением так называемого экономического принуждения. Это лучшие умы, и ущерб от их утечки ничуть не меньше, чем от бегства капитала» [14, с. 19].

С другой стороны, низкая заработная плата — серьезное препятствие при обосновании экономической эффективности новой техники и НТП вообще, поскольку в условиях дешевой рабочей силы нередко оказывается выгоднее использовать малопроизводительный, но дешевый ручной труд, нежели высокопроизводительную, но дорогостоящую технику. Так, общеизвестно, что решающее значение для активизации инновационного процесса в реальном секторе экономики имеет экономия переменного капитала, значительную часть которого, как известно, составляют издержки на рабочую силу. В условиях быстрого удорожания средств производства, использующих современные и потому дорогостоящие достижения научно-технического прогресса, именно экономия издержек на рабочую силу определяет границу допустимости замещения старых средств производства новыми. Это означает, что при прочих равных условиях потенциал окупаемости инвестиций тем больше, чем выше средняя по стране ставка заработной платы.

Для оценки границ окупаемости технико-технологических инноваций в некоторых странах мира воспользуемся методологией, предложенной С. Губановым (Российская Федерация), который доказывает, что, «исходя из органического строения воспроизводства, можно сформулировать следующий вывод: каков переменный капитал, таков и постоянный. Оба взаимосвязаны и функционируют в определенной пропорции, задаваемой техническим строением экономики. Отсюда приходим к формуле: по зарплате и капиталовложению» [8, с. 67].

Так, согласно дисконтному методу оценки эффективности инвестиций,

Байнёв В. Ф., Седлухо О. В.

исходя из общеизвестного уравнения для нормы эффективности капиталовложений, можно определить максимальную величину авансированного (инвестированного) капитала K , который окупается в течение заданного срока T при условии, что внутренняя норма доходности будет не меньше r , а годовая экономия издержек переменного капитала будет равна D :

$$K = \sum_{i=1}^T \frac{D}{(1+r)^i}$$

Очевидно, что если инновация имеет целью повышение производительности труда работника со среднегодовой заработной платой Z на конк-

ретном рабочем месте, то максимальная годовая экономия переменного капитала $D = Z$ в случае полного замещения труда работника новой техникой. Если принять срок окупаемости $T = 5$ лет, а приемлемую норму внутренней доходности $r = 0,2$ (20%), то при среднегодовой заработной плате в сфере материального производства около USD 2000 в России и Беларуси и более USD 40 тыс. в США получаем кардинально отличающиеся максимальные значения величины авансируемого постоянного капитала, который способен окупиться в течение 5 лет при заданных параметрах расчета (табл. 6).

Таблица 6

Страна	Среднегодовая заработная плата в сфере материального производства, тыс. долл. США	Максимальная величина инвестированного постоянного капитала, который способен окупиться в течение 5 лет, тыс. долл. США
Россия, Беларусь	2	5,4
США	42	125,6

Из приведенной в табл. 6 информации следует, что «инвестиционная емкость» белорусских и российских предприятий (отраслей, национальной экономики в целом) при прочих равных условиях в 20–25 раз ниже, чем, например, американских только из-за низкой заработной платы. Таким образом, *заниженный в несколько раз курс национальной валюты — еще одно препятствие для процесса перехода к инновационной экономике.*

С процессом оттока за рубеж иностранной валюты, столь необходимой для закупки за рубежом передовых технологий и оборудования, *связана проблема внешней и внутренней конвертируемости национальной денежной единицы.* По мнению из-

вестных белорусских ученых-финансистов проф. В. И. Тарасова и С. А. Пелиха, в развитых и догоняющих странах «осуществляется постепенный переход к конвертируемости по текущим операциям и наблюдается долговременное отсутствие полной конвертируемости. В частности, большинство западноевропейских стран десятилетиями готовились к введению полной конвертируемости, запрещая своим гражданам и корпорациям инвестировать за границу. Франция и Италия в полном объеме отменили такие ограничения в 1989 г., а Япония — только в 1979 г.» [8, с. 43].

В переходных же странах это условие было полностью проигнорировано, и внутренняя конвертируемость

национальной валюты введена в обращение. Это позволило рядовым гражданам свободно приобретать иностранную валюту, беспрепятственно вывозить за рубеж и там ее инвестировать в развитие зарубежных курортов или расходовать на приобретение и ввоз в страну губящего отечественную промышленность ширпотреба («челночный бизнес»). В частности, по оценкам проф. С. А. Пелиха, одной только Беларуси внутренняя конвертируемость рубля обходится в USD 5 млрд ежегодно, в то время как отечественная промышленность остро нуждается не просто в приобретении зарубежных передовых технологий и оборудовании, а в элементарной компенсации катастрофического, достигшего критической отметки износа основного капитала. Вместо того чтобы следовать успешно опробованному примеру и усилить контроль над целевым расходованием иностранной валюты, в Беларуси, наоборот, в 2006 г. сняты последние и без того мизерные ограничения (необходимость предъявления паспорта) на ее приобретение.

Опыт технологически развитых стран, в то или иное время успешно реализовавших стратегию технологического прорыва, показывает, что *фискальная*, и в частности *налоговая*, *политика* может стать весьма эффективным фактором стимулирования научно-технической и инновационной деятельности. *Льготное налогообложение* субъектов инновационной деятельности, включая предоставление права использовать методы ускоренной амортизации новой техники, — самая обычная практика в странах, успешно реализовавших прорыв на рынки высокотехнологичной и наукоемкой продукции. При этом в ключе-

вые периоды развития этих стран общая сумма налоговых льгот участникам инновационного процесса на всех этапах достигала значения 1–1,5 % ВВП. В Республике Беларусь в период 2000–2004 гг. организации научной сферы и субъекты инновационной деятельности также пользовались пакетом льгот и преференций. В итоге общая сумма налоговых льгот в 2004 г. участникам инновационного процесса приблизилась к 80 млрд руб. (USD 37 млн), или 0,2 % ВВП. В частности, организациям, выполнявшим исследования и разработки, а также предприятиям, выпускавшим наукоемкую и высокотехнологическую продукцию, предоставлялись следующие налоговые льготы [12]:

а) согласно Закону Республики Беларусь «О налоге на добавленную стоимость» в 2000–2004 гг. освобождались от обложения НДС обороты по реализации на территории Республики НИОК(Т)Р, зарегистрированные в государственном реестре. В 2004 г. данной льготой воспользовались 463 организации, причем обороты по реализации работ, освобождаемых от НДС, составили 185,3 млрд руб. (USD 85,6 млн), что составляет 59 % всей суммы внутренних затрат на исследования и разработки. Общая сумма налоговых льгот по данному их виду составила около USD 15 млн;

б) согласно законам о бюджете Республики Беларусь в 2000–2004 гг. освобождались от уплаты налога на прибыль научные учреждения с направлением высвободившихся средств на развитие материально-технической базы науки. В 2004 г. данной налоговой льготой воспользовались 724 организации на общую сумму 11,6 млрд руб. (USD 5,4 млн);

в) согласно Закону Республики Беларусь «О налоге на недвижимость» в 2000–2003 гг. освобождались от обложения налогом на недвижимость, специальное оборудование, приборы, испытательные стенды, полигоны и другие подобные объекты. В 2004 г. данная льгота отменена;

г) согласно законам Республики Беларусь о бюджете в 2000–2004 гг. от чрезвычайного налога и отчислений в государственный фонд содействия занятости населения в части сумм от выполнения НИОК(Т)Р за счет бюджетных средств освобождались организации, осуществляющие научную деятельность. В 2004 г. данной налоговой льготой воспользовались 157 организаций на общую сумму 0,89 млрд руб. (USD 0,41 млн);

д) согласно законам Республики Беларусь о бюджете в 2001–2004 гг. освобождались от платежей, уплачиваемых из выручки в республиканский и местные бюджеты, организации в части сумм от выполнения НИОК(Т)Р за счет бюджетных средств. В 2004 г. указанной налоговой льготой воспользовались 434 организации на общую сумму 3,94 млрд руб. (USD 1,82 млн);

е) согласно Закону Республики Беларусь «О налоге на добавленную стоимость» в 2000–2004 гг. организации – изготовители товаров, производимых с применением новых и высоких технологий, облагались НДС по пониженной (10 %) ставке. В 2004 г. данной налоговой льготой воспользовалась 31 организация, причем обороты по реализации товаров, облагаемых НДС по ставке 10 %, составили 321,5 млрд руб. (USD 148,6 млн). Общая сумма налоговых льгот данного вида составила около USD 12 млн;

ж) согласно Закону Республики Беларусь «О налогах на доходы и прибыль» в 2000–2004 гг. была снижена (не более чем в 2 раза) ставка налога на прибыль, полученную от реализации высокотехнологичных товаров собственного производства. В 2004 г. указанной льготой воспользовались 6 организаций на общую сумму 1,33 млрд руб. (USD 0,61 млн);

з) согласно Закону Республики Беларусь «О платежах за землю» в 2000–2005 гг. освобождались от платы за землю опытные поля, использованные для научной деятельности;

е) согласно законам Республики Беларусь о бюджете, республиканским органам государственного управления разрешено создавать инновационные фонды за счет отчислений в размере 0,25 % от величины их бюджета с отчислением этих средств на себестоимость, а Министерству строительства и архитектуры Республики Беларусь разрешено создать Фонд развития строительной науки путем отчисления в него средств, относимых на себестоимость строительно-монтажных работ, в размере 0,5 % стоимости последних.

Исходя из приведенной статистической информации можно сделать вывод о том, что общая сумма налоговых льгот участникам инновационного процесса в нашей стране также далека (точнее, в 5–7 раз меньше) от оптимального значения в 1–1,5 % ВВП, характерного для осуществляющих технологический прорыв стран. Следовательно, государственная научно-техническая и инновационная политика переходной к рынку страны, в том числе и Беларуси, России, Украины и т. д., должна быть нацелена на обеспечение гораздо более серьезных

льгот и преференций, чем это имеет место в настоящее время.

Таким образом, можно сделать вывод о полном несоответствии некоторых базовых параметров функционирования монетарной, кредитно-денежной, фискальной систем стран СНГ условиям осуществления эффективной инновационно-промышленной политики. По словам С. Ю. Глазьева, мы вновь удивляем весь мир, поскольку «основной источник роста в условиях рыночной экономики — монополия государства на деньги и на эмиссию национальной валюты — превратился в свою противоположность — механизм торможения. Подобные примеры в мировой экономической истории просто не известны... Налицо экономика абсурда, сдерживающая свой экономический рост...» [14, с. 18–19, 21].

Анализируя произошедшее, приходится признать, что его трудно объяснить одной лишь халатностью или наивным неведением. Вероятнее всего во многих странах бывшего СССР в результате поощряемых Западом перестроек и «цветных революций», а также благодаря его огромным финансовым ресурсам к власти пришла «пятая колонна». В полном соответствии с законами рыночной конкуренции эта «тайная» сила под видом «невидимой руки» рынка методично, шаг за шагом, делает все возможное для превращения своего бывшего, весьма могущественного конкурента в научно-технологическое захолустье с прикованным к «сырьевой тачке» населением. Поскольку могучие рычаги монетарной сферы для этих целей подходят как нельзя лучше, то описанные в статье вопиющие отклонения носят скорее всего искусственный, «рукотворный» характер, о чем сегодня откры-

то пишут некоторые российские исследователи [7, с. 112]. Отнюдь неслучайно, на фоне непрекращающейся риторики об инновационной экономике общая доля стран СНГ в мировом экспорте наукоемкой продукции за годы «рыночного оздоровления» сократилась до 0,8–1 % (в 10–15 раз), а доля сырьевых товаров в экспорте гипертрофированно выросла до 60–85 %. При этом доля инновационно-активных предприятий снизилась с 50 % в СССР накануне его распада до 13,0 % в Беларуси, 10,3 % — в России, 12,3 % — в Украине, 2,2 % — в Казахстане, в то время как в развитых странах Запада аналогичный показатель сегодня достигает 60–80 %.

И даже в Беларуси, где «невидимой руке» рынка, стоящего на страже крупного (значит, западного) капитала, не удалось вытеснить из сферы управления экономикой «зримую руку» Президента, олицетворяющего чаяния белорусского народа, налицо серьезные проблемы в становлении инновационной экономики. И действительно, вряд ли можно назвать переходом к инновационной модели развития тенденцию, когда доля машин и оборудования в общем экспорте страны в период с 1998 по 2005 гг. снизилась с 30,2 до 20,3 %, доля минеральных продуктов выросла 8,4 до 35,4 %, а количество инновационно-активных предприятий неуклонно падает. Очевидно, что для превращения риторики об инновационной экономике в реальный процесс, прежде всего, необходимо устранить вышеуказанные отклонения и привести в соответствие параметры монетарной сферы страны требованиям эффективной инновационно-промышленной политики.

В частности необходимо довести

коэффициент монетизации экономики до 80–100 %, привести в соответствие ППС и курс национальной валюты, устранить диспаритет внутренних и мировых цен, повысить до уровня развитых стран мира заработную плату, принудить банковский сектор (по примеру Японии и Китая в период их восстановления) к долгосрочному кредитованию инновационных проектов в промышленности под формальные проценты, установить приоритет использования иностранной валюты на закупку новейших технологий и оборудования,кратно увеличить государственное финансирование науки, НИР и НИОКР по инженерно-техническим и естественно-научным направлениям, системы образования и др. Разумеется, перед реализацией этих весьма непростых шагов необходимо инициировать в странах СНГ, ЕврАзЭС и, прежде всего, Союзного государства соответствующие серьезные научные исследования на предмет приведения в соответствие общепринятым нормам базовых характеристик монетарной политики, которая не просто должна способствовать решению задачи удовлетворения текущих потребностей населения, но и соответствовать критерию долгосрочного инновационного экономического роста.

С учетом выводов, сделанных в предыдущей части настоящей статьи, а также в процессе выполнения НИР № 20051816 «Инновационная политика России и Беларуси в рамках формирования единого технологического пространства» (проект БРФФИ Г05Р-014) и НИР № 717/98 «Разработка теоретико-методологических основ межгосударственной инновационно-промышленной политики стран ЕврАзЭС» (проект ГПОФИ «Экономика и

общество» на 2006–2010 гг.), нами разработаны *инерционный и инновационный сценарии развития научно-технологической и промышленной политики Беларуси и России в среднесрочном периоде* (до 2012 г.). При этом важнейшими факторами формирования эффективной инновационной политики необходимо считать параметры, характеризующие функционирование монетарной, кредитно-денежной и фискальной систем переходной к рынку страны.

Инерционный сценарий (табл. 7) связан с сохранением негативных тенденций развития научно-технологической и инновационной сфер, что ведет к дальнейшей деградации и росту общего отставания от технологически развитых стран. Влияющие на инновационную активность экономических систем параметры (характеристики) монетарной, кредитно-денежной, бюджетной и фискальной систем, как и сегодня, будут в разы отличаться от аналогичных параметров технологически развитых стран. При этом доля сырья в общем экспорте Беларуси и России будет неуклонно нарастать, а доля наукоемкой продукции снижаться, что обеспечит превращение обеих стран в сырьевую провинцию Запада.

Инерционный сценарий развития национальной экономики страны с трансформационной экономикой связан с такими процессами как:

— дальнейшая рыночная либерализация экономики и уменьшение воздействия государства на экономические процессы;

— экономия государственных затрат на науку и поддержание высокотехнологичных и наукоемких секторов национальной экономики в рамках

*Вероятные сценарии развития научно-технической
и инновационной сферы страны с трансформационной экономикой...*

жесткой (в России — глубоко профицитной) бюджетной политики;

— рестрикционная монетарная и кредитная политика, осуществляемая в соответствии с рекомендациями наших заокеанских «друзей» и универсальными рецептами «вашингтонского консенсуса» (либерального монетаризма);

— предоставление формальных налоговых льгот и преференций участникам инновационного процесса в объемах, которые в несколько раз меньше оптимального;

— реализация политики по поддержанию курса американского доллара

в ущерб своей национальной валюте (Россия) за счет «стерилизации» денежной массы в форме огромного стабилизационного фонда, чрезмерного наращивания объемов золотовалютных резервов, досрочной выплаты долгов в обесценивающейся иностранной валюте, продаже энергоресурсов за доллары, а не за российские рубли и т. д.

К сожалению, очевидно, что *развитие национальной экономики Беларуси, несмотря на активную риторику об инновационной экономике, осуществляется по инерционному сценарию*. Последнее следует из того, что представленные в табл. 7 характерис-

Таблица 7. Сценарии развития научно-технологической и промышленной политики Беларуси в среднесрочном периоде

Показатель	Инерционный сценарий	Инновационный сценарий
Коэффициент монетизации экономики, % к ВВП	10–15	35–40
Соотношение «валютный курс по данным НБ РБ / «валютный курс по ИПС», разы	3,5–4	2–2,5
Пассивы банковской системы, % к ВВП	35–40	80–100
Доля долгосрочных кредитных вложений банковской системы, % от общей суммы кредитных вложений;		
в том числе:		
– в промышленность, % от общей суммы кредитных вложений;	40–45	60–70
– на технико-технологическую модернизацию производства, % от общей суммы кредитных вложений	12–15	25–30
Соотношение средних заработных плат работников сферы материального производства в постиндустриальной и догоняющей экономике	0,5–1	10–15
Соотношение средних заработных плат работников сферы материального производства в постиндустриальной и догоняющей экономике	15–20	5–10
Наличие ограничений по внутренней конвертируемости национальной валюты	Нет	Есть
Доля расходов на исследования и разработки в ВВП, %	0,8–1,2	1,5–2
Доля расходов на науку в ВВП, %	до 1	2–2,5
Сумма налоговых льгот участникам инновационного процесса (с учетом ускоренной амортизации), % к ВВП	до 0,5	1–1,5
Доля инновационно активных предприятий в промышленности, % к общему числу	10–12	20–25
Коэффициент обновления основных производственных фондов, %	4–5	8–10
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции, %	8–10	15–20
Доля передовых производственных технологий (ППТ), использовавшихся менее трех лет, % в общем числе ППТ	20–30	45–50
Удельный вес затрат на инновации в общем объеме промышленной продукции, %	до 1	1,5–2

тики инерционного сценария во многом соответствуют реальным параметрам функционирования национальной экономики Беларуси.

Инновационный сценарий развития национальной экономики Беларуси и России предполагает активное стимулирующее воздействие государства на инновационный процесс, что, в свою очередь, подразумевает:

- *доведение базовых параметров функционирования монетарной и кредитно-денежной систем до уровней, сопоставимых с аналогичными величинами технологически развитых стран мира.* В частности, необходимо изучить возможности для доведения: коэффициента монетизации экономики до 40 % и более; пассивов банковской системы до сопоставимой с ВВП величины; доли долгосрочных кредитов национальной банковской системы до 60–70 %, в том числе промышленности до 20–25 %, половина из которых должна быть направлена на высокотехнологическое перевооружение производства; курса национальной денежной единицы до уровня, сопоставимого с ППС;

- реализацию *политики таргетирования кредитно-инвестиционных агрегатов банковского сектора*, заключающейся в планомерном и жестко контролируемом росте количества и объема долгосрочных кредитов, выдаваемых банковским сектором промышленным предприятиям под реализацию инновационных проектов по приемлемым процентным ставкам (1–4 % годовых), до уровня 25–30 % от общего объема кредитных вложений национальной банковской системы;

- внедрение механизмов беспроцентного кредитования (на условиях инфляционной индексации) инноваци-

онных проектов промышленных предприятий, получивших *статус субъекта инновационной деятельности*, за счет государственного и местных бюджетов;

- разработку и распространение механизмов *полной или частичной компенсации* (за счет государственного и местных бюджетов) *процентов, выплачиваемых субъектами инновационной деятельности коммерческим банкам и другим финансово-кредитным учреждениям за кредитование инновационных проектов*, а также предоставление государственных гарантий коммерческим банкам, осуществляющим кредитование приоритетных инновационных проектов;

- установление коэффициента обновления основных производственных фондов на уровне не менее 8 % в качестве важнейшего *планового задания для государственных предприятий*;

- на макроэкономическом уровне установление в качестве важнейших *плановых ориентиров развития национальной экономики*: доли расходов на исследования и разработки в ВВП (наукоемкости ВВП) — 1,5–2 %; удельного веса инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции — 15–20 %; доли ИПТ, использовавшихся менее трех лет, — 45–50 %; доли расходов на науку в ВВП — 2–2,5 %; удельного веса затрат на инновации в общем объеме промышленной продукции — до 2 %;

- предоставление *пакета серьезных налоговых льгот субъектам инновационной деятельности до совокупного объема не менее 1 % ВВП*, включая вывод из налогооблагаемой прибыли инвестиций в НИОК(Т)Р по примеру стран, демонстрирующих технико-технологический прорыв. В ФРГ, например,

*Вероятные сценарии развития научно-технической
и инновационной сферы страны с трансформационной экономикой...*

система налоговых льгот, именуемая «кнутом» для промышленности, позволяет выводить до 200 % инвестиций в исследования и разработки. Аналогичная мера стимулирования инновационной деятельности активно используется в Сингапуре и других «азиатских тиграх».

Литература

1. Байнев В.Ф. *Неоколониальный проект Запада и роль монетарных факторов управляемого экономического кризиса в его реализации* // Новая экономика. 2006. № 7–8. С. 3–22.
2. Байнев В.Ф. *Развитие научно-технической сферы переходных к рынку стран в контексте глобальных вызовов современности* // Новая экономика. 2006. № 3–4. С. 3–25.
3. Байнев В.Ф. *Управляемый экономический кризис: монетарные факторы* // Финансы, учет, аудит. 2006. № 7. С. 20–25.
4. Байнев В.Ф., Седлухо О.В. *Инновационная экономика и роль монетарных факторов в ее формировании* // Финансы, учет, аудит. 2006. № 9. С. 2, 14–18.
5. *Белорусская модель социально-экономического устойчивого инновационного развития: формирование и пути реализации*: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 19–22 апр. 2006 г.). Мн.: Право и экономика, 2006. 615 с.
6. Бжезинский З. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. М.: Международные отношения, 1999. 300 с.
7. Власкин Г., Ленчук Е. *Промышленная политика в условиях перехода к инновационной экономике*. М.: Наука, 2006. 246 с.
8. *Государственное регулирование экономики и повышение эффективности субъектов деятельности хозяйствования*: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 21–22 апр. 2005 г.): Парламентские доклады. Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. 166 с.
9. Губанов С. *Рост отсталости и отсталость роста* // Экономист. 2005. № 3. С. 13–29.
10. *Инновации и экономический рост*. М.: Наука, 2002. 377 с.
11. Келле В. Ж. *Инновационная система России: формирование и развитие*. М.: Едиториал УРСС, 2003. 148 с.
12. *О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2004 г.*: Аналитический доклад / А. Н. Коршунов и др. Мн.: ГУ «БЕЛИСА», 2005. 276 с.
13. *Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития*: Матер. V Междунар. науч. конф. (г. Минск, 21–22 окт. 2004 г.). В 5 т. Т. 1. Мн.: НИЭИ Минэкономики РБ, 2004. 583 с.
14. *Россия — великая держава*. М.: Центр обществ. наук при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. 394 с.
15. Чабанов В. Е. *Гармонизация финансовой системы как условие возрождения России* / В сб.: *Россия державная*: В 2 ч. Ч. 2 / Под ред. Ю. М. Осипова, М. М. Гузева, Е. С. Зотовой. М.: Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 304–315.
16. *Экономическая наука в начале третьего тысячелетия: история и перспективы развития*: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 65-летию экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 22–23 сент. 2005 г.). Секции 1–3. СПб.: ОЦЭиМ, 2005. 208 с.